

Круглый стол

«Колдовство и народная религия в России и Западной Европе»¹

23 мая 2006 г. в Российском государственном гуманитарном университете (Москва) состоялся круглый стол на тему «Колдовство и народная религия в России и Западной Европе». Мероприятие было организовано Российско-французским центром исторической антропологии им. Марка Блока и Издательским домом «Новое литературное обозрение» и приурочено к выходу в свет русского перевода книги профессора Лондонского университета, члена Британской академии, президента Британского общества фольклористов Вильяма Фрэнсиса Райана «Баня в полночь. Исторический обзор магии и гаданий в России» (М.: НЛЮ, 2006)². Участники круглого стола обсудили современное состояние и перспективы сравнительного изучения магии и колдовства в России и Западной Европе периода Средневековья и Нового времени.

---

¹ Подготовка круглого стола велась в рамках программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Русская культура в мировой истории», проект «Русский фольклор в ближайшем этническом окружении» (руководитель — А.Л. Топорков).

² Английский текст книги был опубликован в 1999 г.

Открывая заседание, А.Л. Топорков (ИМЛИ РАН, РГГУ) представил собравшимся В. Райана и предложил посвятить работу круглого стола памяти академика В.Н. Топорова. А.В. Чернецов (ИА РАН, РГГУ) в качестве ответственного редактора русского перевода книги В. Райана познакомил собравшихся с содержанием книги и рассказал о работе над ее переводом, а также о новейших работах по истории магии, появившихся уже после ее выхода в свет. Как отметил А.В. Чернецов, книга В. Райана — это не имеющий аналога компендиум, посвященный русским народным верованиям, суевериям, магии, колдовству и гаданиям. Она представляет собой фундаментальное исследование русской культуры, написанное крупнейшим британским славистом, прекрасным знатоком русского языка и средневековых рукописей. В силу ряда обстоятельств обильные материалы по этой теме в течение ряда десятилетий не исследовались отечественными специалистами, в то время как на Западе изучение магии, ведовства и процессов о колдовстве развивалось весьма плодотворно. Сейчас это научное направление возрождается и в нашей стране, однако о его окончательном оформлении и становлении академических традиций в данной области говорить рано.

Обобщающая работа В. Райана освещает проблему с исключительной широтой. Ему удалось создать классический труд, на который будут ориентироваться новые поколения ученых. Эта книга чрезвычайно важна и потому, что она побуждает других исследователей к полемике по целому ряду общих и частных вопросов, указывает на необходимость привлечения дополнительных источников, дальнейшей разработки многих сюжетов. Книга В. Райана легко читается; автор сознательно избегает излишнего «научообразия»; во многих случаях чувствуется его ироническое отношение к описываемым феноменам. По этой причине можно надеяться на ее читательский успех не только среди специалистов, но и у учащейся молодежи.

М.Д. Долбилов (Издательский дом «НЛО») рассказал о серии книг «Historia Rossica», в рамках которой опубликован русский перевод «Бани в полночь», и о дальнейших планах издательства.

Далее профессор В. Райан выступил с лекцией «**Россия и Европа: существует ли общая традиция магии?**». На вопрос, поставленный в заглавии лекции, ученый отвечает утвердительно. По его мнению, большинство магических текстов, практик и верований, зафиксированных у русских, не принадлежат исключительно России, но известны также другим европейским культурам. Истоки магической традиции, представленной в древнерусской письменности, восходят, как пра-

вило, к поздней античности через византийское посредство. Распространение суеверий во многом связано с деятельностью православного духовенства и с переводами «отреченных» книг. В своей лекции В. Райан подробно остановился на тех текстах, явлениях и практиках, которые известны в России и имеют либо источники, либо параллели в различных регионах Европы (текст «Тайное тайных», амулеты-змеевики, заговоры, суеверия, связанные с поиском кладов, способы девичьих гаданий о суженом и др.). В то же время В. Райан говорил и о тех чертах древнерусской традиции магии, которые обусловили ее специфику по сравнению со странами Центральной и Западной Европы. Существенное различие между православной и католической Европой, по его мнению, обусловлено тем, что основные тексты античной и византийской традиции «высокой магии» остались неизвестными православным славянам (в том числе и русским).

Доклад В. Райана вызвал множество вопросов и оживленное обсуждение, в котором приняли участие Р.А. Симонов, А.К. Байбурин, А.А. Панченко и др. Вторая часть заседания была посвящена докладам участников круглого стола.

Т.А. Михайлова (МГУ, РГГУ) посвятила свое выступление теме «Языческие заговоры в средневековом монастыре». По ее мнению, если среди рукописей средневекового монастыря мы находим тексты языческих заговоров, это не обязательно объясняется «двоеверием» или реальными пережитками языческих практик в христианской среде. Т.А. Михайлова рассмотрела два полярных случая использования языческого заговора. Интересно, что оба текста датируются IX в. и оба были найдены на континенте (один — в Сан-Галленском монастыре, другой — в монастыре св. Павла на территории Австрии), оба записаны были, очевидно, в Ирландии. Если первый представляет собой сложный амулет, в котором видно смешение традиций (причем не только кельтского язычества и христианства, но и греческой поздней традиции изготовления амулетов и фиксации заговоров с описанием технологий их произнесения), то второй находится в корпусе разного рода ученых текстов и явно был записан составителем как своего рода раритет. Если первый текст, нанесенный на лист с изображением Матфея, — это своего рода продолжение магической традиции, относящейся к «сумеречной зоне» народного сознания, то второй — то, что может быть названо «наивной фиксацией» фольклорного текста.

М.Р. Майзульс (РГГУ) обратился к теме «Персонафикация смерти в церковной проповеди Позднего Средневековья: Россия и Франция». На протяжении веков в православной и

католической иконографии сменилось несколько типов изображения смерти: изображения-символы (череп Адама у подножия Голгофского креста и т.д.) постепенно уступили место различным вариантам антропоморфной персонификации (женщина с косой, крылатый демон, высохшая мумия). В XIV—XV вв. в Западной Европе появляется новый персонифицированный образ — полусгнивший труп с разверстой утробой. В это же время создается особая культура смерти, в которой благочестивый призыв «*memento mori*» приобрел невиданную ранее силу благодаря реалистическому изображению телесного распада.

В Московской Руси персонифицированный образ смерти в облике человекообразного существа впервые появляется в XVI в., а более широкое распространение получает лишь в XVII в. На миниатюрах синодиков и апокалипсисов смерть изображается как высохший костистый мертвец с разверстой утробой и полной корзиной смертоносного оружия за спиной. В руках он держит копьё, иногда меч, косу или даже пищаль. Смерть как особый персонаж в русской иконографии присутствует в сцене воскресения из мертвых во время Страшного суда в облике четвертого всадника Апокалипсиса (6: 8), а также в различных символических композициях («Единородный сын — Слово Божие»). На пороге Нового времени смерть все больше начинает осознаваться не только как переход от земной жизни в мир иной, но и как бесповоротное лишение земной жизни и тяжкое расставание с ее радостями. Напряженное ожидание последних времен, которое еще в первой половине XVII в. было одной из доминант русской религиозности, становится достоянием старообрядческой культуры, сохранившей верность древнерусской эсхатологии.

А.Л. Топорков (ИМЛИ РАН, РГГУ) выступил с обзорным докладом «Современные исследования английской вербальной магии». В последние годы в Англии появился ряд монографий и сборников, посвященных колдовству и различным жанрам магического фольклора. Фундаментальный характер имеют книги Овена Дэвиса (Owen Davis) «*Witchcraft, Magic and Culture. 1736–1951*» (1999) и «*Cunning-Folk: Popular Magic in English History*» (2003). В знаменитой финской серии FFC опубликована книга Джонатана Ропера (J. Roper) «*English Verbal Charms*» (2005). В Институте Варбурга (Лондон) прошли две конференции, посвященные заговорам в Англии и странах континентальной Европы (2002 и 2005 гг.). По материалам первой конференции издан сборник «*Charms and Charming in Europe*» (ed. by Jonathan Roper, 2004). Английская традиция магического слова весьма близка русской: совпадают отдельные сюжеты и мотивы заговоров, восходящие к традициям древних индоевро-

пейцев или средиземноморских античных культур. И в Англии, и в России вербальная магия существовала параллельно в устной и письменной разновидностях, причем фольклор на протяжении веков испытывал влияние книжности и наоборот; в обеих странах магические тексты подверглись сильному влиянию христианства. Есть в то же время и существенные отличия: русские заговоры более разнообразны в функционально-тематическом и сюжетном плане; они близки произведениям других жанров русского фольклора.

Доклад А.Б. Ипполитовой (РГГУ) «Разрыв-трава у славян и на Западе» был посвящен растению, которое, по поверьям, помогает в поиске кладов и отпирает любые замки. Сравнение данных различных европейских традиций от античности (Плиний Старший, Клавдий Элиан) до рубежа XIX–XX вв. (фольклор славянских, германских, романских, финно-угорских народов) позволило выявить комплекс общих мотивов: разрыв-трава снимает путы/подковы у лошади; ломает лезвие косы; плывет против течения; прокалывает положенные на землю одежду или ткань; цветет раз в году необычным цветом; разрыв-травой владеют птица или животное и др.

А.А. Соловьева (РГГУ) посвятила свой доклад теме «Образы волков-оборотней в современной культуре». По ее мнению, разнообразные тексты о волках-оборотнях включают совокупность образов, отражающих коллективные, групповые ценности. При этом на первое место выходят такие ценностно окрашенные характеристики волка, как его принадлежность группе и закон стаи. Волчья символика часто находит применение в разного рода сообществах (военнообразованные формирования, группы молодежи, идентифицирующие себя с определенными музыкальными направлениями (heavy metal, hard rock и т.д.), объединения по видам активности (поисковики, диггеры, «ролевики» и пр.). Члены «волчьего» сообщества получают индивидуальный набор качеств, ассоциирующихся с волком (храбрость, сила, жестокость к врагам, хитрость и проч.). Волчья символика часто получает визуальное выражение: разнообразные вещи (рюкзаки, футболки, платки, украшения) с изображением волка, татуировки. Иначе обстоит дело с другой совокупностью волчьих образов, отражающих «индивидуальные» ценности. Эти образы получили воплощение главным образом в кинопродукции («Американский оборотень в Париже» и «Волк» (США), «Волчица» (Англия)) и художественной литературе («Степной волк» Г. Гессе, «Проблемы верволька в средней полосе» В. Пелевина). Здесь становится наиболее важным противопоставление «обычному» большинству, его нормам и ценностям (образ волка-одиночки). Другой важной чертой является двойственность (часто вопло-

щенная в «оборотничестве»), предполагающая разделенность реальности на два мира и внутреннюю борьбу героя. Волк здесь является символом дикого звериного начала, которое может трактоваться и как позитивное, и как негативное. Так, в популярном ныне образе волка-оборотня отразились разнообразные идеалы и фобии современного человека.

Т.С. Ильина (РГГУ) озаглавила свое выступление «Русские проклятия в XVII веке». Она отметила, что в последние годы наметилось два основных подхода к жанру проклятий: польская исследовательница А. Энгелькинг изучает их с точки зрения теории речевых актов, российская исследовательница А. Кушкова делает акцент на социальном функционировании. Т.С. Ильина предприняла попытку синтезировать эти подходы. Проанализировав судебное дело 1648 г. о порче женой дьячка Дарьницей Ивановой жителей села Морева, она выявила социальную прагматику проклятий. Произнесение Дарьницей загадочных угроз и рассказы о прежних случаях порчи, а также вызывающее поведение ее самой и ее родственников, по мнению Т.С. Ильиной, заставляли односельчан бояться Дарьницу и укрепляли ее авторитет.

Общий интерес вызвал доклад И.А. Седаковой (ИС РАН) «Оккультная лихорадка в странах постсоциализма». И.А. Седакова охарактеризовала общие тенденции в развитии интереса к магии и колдовству в России и Болгарии: смешение разных традиций, слияние религиозного и мифологического, переход эзотерических практик в «общее» знание. Особое внимание было уделено анализу печатной и интернет-рекламы магических услуг, а также возрастанию роли оккультной лексики и фразеологии в СМИ. Постсоциалистический период, как отметила И.А. Седакова, — это определенный исторический этап в развитии магии и колдовства, имеющий как письменную, так и устную фиксацию.

В докладе А.А. Панченко (ИРЛИ РАН) «Невидимая религия в несуществующих местах: гадания в русском Интернете» обсуждалась проблема «интертекстуальности фольклора» применительно к современному обществу с его тотальной информационной проницаемостью. Интенсивность информационных потоков в современном мегаполисе настолько велика, средства и каналы коммуникации настолько разнообразны, что определить исполнителя и аудиторию зачастую представляется невозможным, исследователь имеет дело не с реальным коммуникативным актом, но с сообщениями, чьи адресаты и адресанты «виртуальны», «размыты». Современный урбанистический фольклор в существенной степени лишен привычных антропологу пространственных и временных характерис-

тик. Термин «несуществующие места» (буквально — «не-места»: *non-lieux*, или, в английском переводе, *non-places*), предложенный французским антропологом Марком Оже для описания пространственных образов современной урбанистической культуры, в данном контексте применим, по-видимому, не только к реально существующим объектам, но и к виртуальным локусам, в частности — к Интернету. В докладе рассматривалась широко распространенная в русском сегменте всемирной компьютерной сети индустрия гаданий *on-line*, в определенной степени восходящая к традиции печатных гадательных книг XIX — начала XX в. Докладчик определил и проанализировал основные типы интернет-гаданий, а также указал на традиционные и инновативные элементы этой формы современных мантических практик.

В докладе О.Б. Христофоровой (РГГУ) «Социальные основы представлений о колдовстве» речь шла об антропологических подходах к данному феномену. Изучение социального контекста и психологических мотиваций обвинителей ведьм привело к наблюдению о том, что в условиях распада традиционных общинных или соседских форм солидарности в деревне начала Нового времени возникало противоречие между обязательностью альтруизма и необходимостью индивидуализма; люди, отказавшие соседям в помощи, приходили к внутреннему конфликту, который находил разрешение в том, что отверженных обвиняли в колдовской порче. Такой ракурс, в частности, позволил объяснить, почему жертвами обвинений в колдовстве часто становились слабые и обездоленные: нищие, бедные, старые, в особенности женщины. Впрочем, новые материалы — скандинавские, немецкие, французские, российские — заставили усомниться, что жертвами обвинений в колдовстве были лишь слабые, низкостатусные члены социума. Оказалось, что нарушителями общинных норм могли быть и мужчины, богатые и удачливые. Соответственно кроме проекции чувства вины существуют и другие социально-психологические механизмы, лежащие в основе не иссякающего до наших дней «колдовского дискурса». Видимо, в единых социально-психологических факторах лежит причина того, что представления о колдовстве сравнительно легко воспроизводятся в малых группах в городах (коммунальных квартирах, офисах компаний, секторах учреждений и т.п.), причем, здесь налицо большее разнообразие языков описаний социальной напряженности и соответственно способов разрешения конфликтов.

Татьяна Ильина,
Андрей Топорков